

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX века ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».

На правах рукописи

ГУРЬЯНОВА МАРИНА АЛЕКСЕЕВНА

**Жанровые процессы в прозе А. Г. Битова:
1960 – 1970-е годы**

10.01.01 — русская литература

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург — 2009

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Литовская Мария Аркадьевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Абашева Марина Петровна

кандидат филологических наук, доцент
Харитонов Дмитрий Владимирович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Защита состоится «___» _____ 2009 г. в _____ час. на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».

Автореферат разослан «___» _____ 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

М. А. Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

А. Г. Битов – русский советский писатель, который, по мнению многих исследователей, прижизненно заслужил звание классика русской литературы. Начало его творчества приходится на вторую половину 1950-х годов, поэтому, как считает ряд исследователей (Л. Аннинский, М. Берг, С. Бочаров, А. Генис, Н. Иванова, В. Кожин, А. Немзер), в литературный процесс он вошел как «шестидесятник» на волне «молодежной прозы». В то же время, некоторые критики и литературоведы причисляют его к более позднему поколению «семидесятников» (В. Бондаренко, Л. Лурье, М. Черняк). Если обратиться к другой классификации, то А. Битова можно в равной степени назвать модернистом (Э. Чансес), провозвестником постмодернизма (А. Большев, М. Эпштейн) или постмодернистом (М. Липовецкий, И. Роднянская).

Подобное разнотечение связано с тем, что формирование личности писателя происходило на пересечении различных тенденций, рожденных временем, литературной традицией, окружением. Теперь, по прошествии нескольких десятилетий с начала литературного творчества А. Битова, мы можем взглянуть на пройденный писателем путь с качественно иных позиций, чем сделали это в 1960 – 1970-е годы критики и литературоведы-современники, хотя бы потому, что обладаем большей информированностью о дальнейшем пути писателя и течении литературного процесса. Художественные искания А. Битова, начиная с 1960-х и заканчивая настоящим временем, выражались не только в проблемно-содержательном своеобразии, но и в необычной форме произведений. При этом большинство литературоведческих работ¹, посвященных творчеству А. Битова, преимущественно сосредоточено на прозе позднего периода или на романе «Пушкинский дом». Исходя из вышесказанного, проблема жанрообразования в ранней прозе А. Битова со всей очевидностью является настолько же интересной, сколько малоизученной.

Начальный этап творчества А. Г. Битова мы разделили, в соответствии с нашей концепцией, на два периода, по десятилетиям: 1960-е годы и 1970-е годы. Разделение основано на **гипотезе** о том, что первый период знаменовался жанровыми экспериментами писателя, а к началу второго они успешно завершились изобретением уникальных битовских жанровых форм с тем, чтобы в последующие десятилетия вплоть до наших дней

писатель постоянно ими пользовался. Потребность в новой оценке начального этапа битовского творчества, причем сделанная ретроспективно на фоне широкого историко-литературного контекста, обуславливает **актуальность** нашей работы.

Новизна исследования заключается в попытке последовательного описания механизма жанровых изменений в прозе А. Г. Битова 1960-х – 1970-х годов.

Материалом для исследования послужили публикации А. Г. Битова в журналах («Звезда», «Вопросы литературы», «Октябрь»), альманахе «Молодой Ленинград» (1960), сборники его рассказов и повестей («Большой шар» (1963), «Аптекарьский остров» (1968), «Образ жизни» (1972), «Дни человека» (1976), «Семь путешествий» (1976)). Помимо этого мы обращались к статьям литературоведов, воспоминаниям современников писателя, внутренним рецензиям редакторов (они приводятся самим А. Битовым в авторских комментариях к некоторым сборникам или в книгах² и, видимо, служат формированию нужного писателю образа, поэтому относиться к ним мы будем с известной долей критичности).

Методология исследования. Рассмотрев ряд подходов к жанру (*генетический* – Д. С. Лихачев, А. Н. Веселовский, О. М. Фрейденберг; *коммуникативный* – М. М. Бахтин; *социально-исторический* – Л. В. Чернец; *функциональный* – Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский и др.), в практической части работы мы анализируем произведения А. Битова, опираясь на выделенные исследователями (Н. Л. Лейдерман, С. И. Ермоленко, Н. В. Барковская и др.) основные элементы жанровой формы, поскольку нам важен конструктивный аспект жанра.

Поиск жанрообразующих факторов, способствовавших рождению новых «битовских» жанров, оказался невозможен вне «субъективного» аспекта анализа: писатель формируется в определенных социальных, исторических и культурных рамках, и в то же время он вынужден логикой собственного творческого развития разрушать литературный канон. При рассмотрении этой стороны жанровых поисков Битова нам помогла *содержательная* концепция С. С. Аверинцева, согласно которой жанровая форма подвержена деформации под влиянием нового для нее содержания, в свою очередь, обусловленного личностью писателя.

Объектом исследования стал процесс жанрообразования в прозе А. Г. Битова 1960–1970-х годов.

Предмет анализа – жанрообразующие факторы, повлиявшие на конструирование А. Г. Битовым собственной жанровой системы.

Выявление того, как отдельно взятый писатель, принадлежащий к определенной исторической и культурной эпохе, экспериментируя с извест-

¹ Например, см.: Воробьева Е. П. Литературная рефлексия в русской постмодернистской прозе (А. Битов, Саша Соколов, В. Пелевин) : автореф. дис... канд. филол. наук / Е. П. Воробьева. – Барнаул, 2004. – 21 с.; Гулиус Н. С. Художественная мистификация как прием текстоворождения в русской прозе 1980–1990-х гг. (А. Битов, М. Харитонов, Ю. Буйда) : дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Гулиус. – Томск, 2006. – 204 с.; Карпова В. В. Автор в современной русской постмодернистской литературе (на материале романа А. Битова «Пушкинский дом») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Карпова. – Тамбов, 2003. – 25 с.; Смирнова Т. А. Типология и функции цитаты в художественном тексте (на материале романов А. Битова «Пушкинский дом», В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени») : дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Смирнова. – М., 2005. – 180 с. и т. д.

² См. например: Битов А. Г. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1 / А. Г. Битов. – М. : Молодая гвардия, 1991. С. 565 – 574; Битов А. Г. Неизбежность ненаписанного / А. Г. Битов. – М. : Вагриус, 1999; Битов А. Г. Вычитание зайца 1825 / А. Г. Битов. – М. : Независимая газета, 2001; Битов А. Г. Пятое измерение: На границе времени и пространства / А. Г. Битов. – М. : Независимая газета, 2002.

ными ему литературными формами, последовательно, в соответствии с логикой смыслопорождения, идет к своему жанру, стало **целью** нашей работы.

В соответствии с поставленной целью предстоит решить следующие **задачи**:

- описать исторический и социокультурный фон эпохи периода 1960-х годов для того, чтобы выявить «внешние» факторы, которые повлияли на формирование творческого сознания писателя А. Г. Битова;

- сопоставить повести и романы писателя с произведениями его современников, обладающими проблемно-тематическим сходством, для определения особенностей битовской прозы;

- проанализировать произведения писателя, созданные в 1959–1970-е годы, а также ряд более поздних работ, в которых содержится «жанровая рефлексия» А. Г. Битова, для выделения жанрообразующих факторов, обусловивших формирование новых жанров в его творчестве;

- описать сложившуюся жанровую модель произведений А. Г. Битова.

Теоретическая значимость диссертации обусловлена ее включенностью в контекст жанрового исследования художественной прозы.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре русской литературы XX века Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Основные положения диссертации были изложены на международных и всероссийских научных конференциях: «Дергачевские чтения-2004: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности» (Екатеринбург, 2004), «Литература в контексте современности» (Челябинск, 2005), «Общетеоретические и практические проблемы языкознания и лингводидактики» (Екатеринбург, 2006); «Изучение творческой индивидуальности писателя в системе филологического образования» (Екатеринбург, 2005), «Мировая словесность для детей и о детях» (Москва, 2006). По теме диссертации опубликовано 7 научных работ, 2 из которых – в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. На формирование писательской индивидуальности А. Г. Битова оказали влияние социокультурные условия «оттепели». Популярными в этот период жанры лирико-психологического и лирико-исповедального рассказа подверглись в творчестве А. Битова деформации, главным образом, для выражения оригинальности характера главного героя – неустанно рефлексирующего интеллигента, подчас мучающегося бездельем, потаенного нон-конформиста, и выражения принципиально нового для советской литературы – нейтрального – отношения к нему. Свойственные эпохе установки на искренность, изображение нового «человечного» героя претворились в творческой лаборатории Битова в напряженную пси-

хопрозу, которая имела мало общего с социально направленными произведениями современников (В. Аксенова, А. Гладилина, А. Кузнецова).

2. Жанровая специфика прозы А. Битова сложилась к началу 1970-х годов и более не претерпевала значительных изменений. Прозу Битова отличают: присутствие «двоящегося сознания» (как правило, это автор-герой и персонаж, духовно и социально близкий автору); включенность аналитических рассуждений (эссе) в художественное повествование, ассоциативность как основа сюжетно-композиционной организации, призванная передавать свободный переход мысли от одного предмета речи к другому, незавершенность (так называемая поэтика *non-finito*) вследствие тяги автора к постоянному дописыванию произведений.

3. Отличительной особенностью прозы Битова 1970-х годов становится жанровое новаторство, обусловленное его ориентацией на воспроизводство одних и тех же жизненных ситуаций (взросление человека, тяжелые любовные переживания, поиск подлинности в мире суеты и мелочности); сходным типом героя (интеллигент, подвергающий анализу каждый, самый незначительный свой поступок); вниманием к анализу нравственной подоплеки повседневной жизни; склонностью к авторефлексии и выявлению психологических конфликтов. Творческие поиски Битова в двух направлениях – беллетристики и эссеистики – приводят к синтезу этих двух начал в «именных» жанровых формах романа-странствия, романа-пунктира, романа-музея, романного цикла.

4. Наличие жанрообразующих факторов автоинтертекстуальности, рефлексивности, циклизированности, приводящих к созданию книг («Образ жизни», «Семь путешествий», «Дни человека»), позволяет говорить о сложившемся в 1970-е гг. в прозе А. Г. Битова метажанре, чья форма была интенционально обусловлена идеей книги, которая пишется всю жизнь³.

Структура работы. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, определяются объект и предмет исследования, формулируются его цель и задачи, характеризуется ключевое понятие жанра, в виде реферативного обзора приводятся мнения критиков-современников о жанровом новаторстве ранних и более зрелых произведений А. Г. Битова.

³ Примечательно, что недавно, когда эта работа уже была закончена, вышел «новый» роман А. Битова «Преподаватель симметрии» [Битов А. Г. Преподаватель симметрии / А. Г. Битов, Э. Тайрд-Боффин // Октябрь. – 2008. – № 8. – С. 3-96]. Название это, равно как имя главного героя Урбино Ваноски, а также несколько частей («Вид неба Трои», «Стихи из кофейной чашки») знакомы читателям Битова. Составленное из самостоятельных новелл, произведение носит авторское определение *роман-эхо*. Сквозные образы, повторяющиеся фразы, указывающие на незримое присутствие в новой части романа персонажей из прежних частей; главный герой, рефлексирующий по поводу получающегося текста автор, – все это делает из разрозненных рассказов, разных по времени написания, связанное целое.

В первой главе «Генезис жанра: социальные детерминанты» дается характеристика эпохам «оттепели» и «застоя» с точки зрения тех особенностей, которые могли повлиять на мировоззрение А. Битова.

Молодые поэты и прозаики середины 1950-х – начала 1960-х годов получали свое несистемное гуманитарное образование самостоятельно, группируясь вокруг переживших войны и репрессии представителей поколения 1910–1920-х годов. Частные квартиры, загородные дачи собирали в неформальные сообщества всех, кто интересовался культурным прошлым России. Наставники молодых «шестидесятников» по-разному сумели адаптироваться к советской реальности: литературная и научная деятельность одних (Н. Я. Берковский, В. А. Каверин, М. Л. Слонимский, К. А. Федин) была одобрена властными органами, другие получили право на официальное признание и публикацию не сразу (А. А. Ахматова, Л. Я. Гинзбург, Д. Я. Дар), но в конце 1950-х – начале 1960-х годов табель о рангах была забыта. К этим писателям приходили не за протекцией, а за интеллектуальным общением и опытом духовной свободы.

Позже поколение 1960-х, с благодарностью вспоминая «своих стариков»⁴, стало воспринимать себя как продолжателей традиций, оборвавшихся с приходом в литературу социалистического реализма.

Тогда же, в 1960-е годы, обозначилось негласно существовавшее разделение на «московскую» и «ленинградскую школу», точнее, оно стало литературно значимым. Московские писатели и поэты считались более ангажированными государством, в то время как ленинградцы противопоставляли себя «официозу», утверждая собственную независимость от заказов «из центра».

Московские художники слова, вне сомнения, имели больше шансов на публикацию, а значит, на признание, хотя бы за счет очевидной близости к редакциям «толстых» журналов. Их (В. Аксенова, А. Гладилина, А. Кузнецова и др.) проза придерживалась соцреалистического сюжета, где героями были строители прекрасного социалистического будущего с обретаемой в рамках сюжета верой в рационализм, в необходимость покорять стихии, нацеленностью на всеобщее благо. Главные персонажи «московских» повестей были активными бунтарями и удачливыми ниспровергателями устаревшей морали предшествующей эпохи.

На примере лирико-психологических повестей известных прозаиков «московской школы» (А. Кузнецов «Продолжение легенды», Г. Владимов «Большая руда», В. Аксенов «Звездный билет») мы показали конструктивно-содержательные особенности «молодежной прозы» 1960-х годов.

Выбранный жанр лирико-психологической повести позволил московским прозаикам завоевать многомиллионного читателя благодаря событийно насыщенной фабуле, приемам создания интонации искренности в описании переживаний героев, близких авторам. Активная жизненная позиция персонажей, их радость от самой тяжелой работы, счастливые финалы обрекали эти произведения на успех (не случаен факт многократного переиздания повестей В. П. Аксенова 1960-х годов в наше время – они до сих пор актуальны из-за общечеловеческой проблематики и энергичности стиля).

Ленинградские писатели хорошо усвоили уроки «людей двадцатых годов». Под словами Битова о том, что его всегда «интересовал исключительно текст», чье создание он «никогда не связывал с внешними условиями существования»⁵, могли бы подписаться многие «питерцы». Спокойный, выверенный нон-конформизм, в котором не было активного бунтарства, достался ленинградской интеллигенции от поколения 1920-х годов. Представители «ленинградской школы» (А. Кушнер; В. Голявкин, Р. Грачев, В. Попов и др.) пренебрегли яркой фабулой «книги воспитания» в пользу неспешной повествовательности, сосредоточились на тонком психологизме, острых переживаниях своими героями повседневных жизненных ситуаций.

В отличие от «москвичей», «ленинградцы» заинтересовались миром не просто «маленького человека», а принципиального «негероя». Их персонажи – ничем не примечательные люди из толпы, заурядно проживающие тихую жизнь, – почти всегда оказывались проигравшими и потому не могли порадовать массового читателя. Если в пределах двух столиц признание представителям «ленинградской школы» было обеспечено, то в масштабах СССР их успех был менее значителен.

Вскоре «оттепель» сменилась «застоем» и «проскочившие» в Союз писателей СССР молодые прозаики оказались перед выбором: слепо следовать литературному канону «производственного романа» / «романа воспитания», то есть описывать преобразование человека под воздействием самоотверженного труда в далекой экспедиции / на северных стройках, или творить собственную литературу, или, наконец, уйти в духовное «подполье».

А. Битов в указанные десятилетия (конец 1950-х – 1970-е гг.) делает то же, что и все: в период обучения в Горном институте посещает литературное объединение (руководитель Г. Семенов), занимается самообразованием; оказываясь в Забайкалье или Средней Азии на практике, получает возможность «позаимствовать» у жизни множество сюжетов, пригодных для литературного мейнстрима; после вступления в Союз писателей увлекается командировками по СССР, время от времени публикуя лирические повести-путешествия и отправляя «в стол» заведомо непроходные вещи.

⁴ См.: Иванов Б. Эволюция литературных движений в пятидесятые – восьмидесятые годы / Б. Иванов // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы : сб. ст. – СПб. : Деан, 2000. – С. 17–29; Кумпан Е. «Наши старики» / Е. Кумпан // Там же. – С. 29–39; Трифонов Г. Д. Я. Дар и Валерий Холоденко / Г. Трифонов // Там же. С. 73–79; Лосев Л. Собранное: Стихи. Проза / Л. Лосев. – Екатеринбург : У-Фактория, 2000. – С. 598; Битов А. Г. Пятое измерение: На границе времени и пространства / А. Г. Битов. – М. : Независимая газета, 2002.

⁵ Климова М. Парижские встречи / М. Климова. – СПб. : Ретро, 2004. – С. 228.

Итак, в первой главе нашего исследования, нам было важно показать органичность творчества А. Битова эпохе. Воспитанник ленинградской литературной школы, он мог выбирать между карьерой советского писателя, писателя-диссидента или же совместить в себе черты и того и другого. Эпоха склоняла к первому, литературное окружение диктовало второе, творческая индивидуальность настраивала на третьем.

Во второй главе «Жанровый поиск в прозе А. Г. Битова 1960-х годов» показан процесс освоения молодым писателем традиционных для «молодежной прозы» жанров лирико-психологического рассказа и повести. Мы проанализировали ранние рассказы А. Битова, опубликованные в альманахе «Молодой Ленинград» (1960), сборниках «Большой шар» (1963) и «Аптекарский остров» (1968), а также те рассказы, которые были написаны и подготовлены для публикации, но в последний момент оказались исключены из сборников.

Выполняя социальный заказ эпохи, писатель во главу угла поставил искренность. Он приступил к художественным опытам, начав с того, что лучше всего знал: с психологии познающего мир человека. Жанровым воплощением искренности стали лирико-психологические рассказы («Бабушкина пиала», «Фиг», «Большой шар», «Аптекарский остров») с героями детьми.

Себя и своего современника писатель решил исследовать с «нежного» возраста, успешно запечатлевая его / себя на всех этапах становления личности: детство – отрочество – юность. На этом пути Битова ждала художественная удача – изображение внутреннего мира ребенка. Проникновение вглубь характера оказалось настолько успешным, что и в дальнейшем герои получались подлинно автопсихологичными, то есть социально и духовно близкими автору, но не тождественными ему.

Своеобразие писателя и, одновременно, его принадлежность к ленинградской школе проявились в выборе нарочито слабого и безвольного героя, который, конечно, был в русской литературе XIX и начала XX веков, но в советской литературе находился под негласным запретом. Благодаря А. Битову, спустя почти 40 лет, он снова удостоился внимания к себе. Внутренний мир такого персонажа оказывается многогранен и ведет писателя все дальше в его жанровых поисках.

В противовес увлеченному производственными успехами герою соцреализма (да и персонажам «молодежной прозы») А. Битов описал принципиально иной социально-психологический тип – бездельника, который явился в образе обычного молодого человека (рассказы «Бездельник», «Солнце», «Пятница, вечер», «Иностранный язык», «Жены нет дома», «Автобус» – автор их датирует 1958–1961 гг.). Ему свойственна то мечтательность, то суетливость, он склонен к рефлексии и наблюдению за собственным внутренним миром. Благодаря, в свою очередь, пристальному вниманию к такому «самокопателю» молодой прозаик художественно задокументировал малейшие оттенки переживаний главного персонажа: стыд,

страх, робость, недоверие, любовь, влюбленность, приязнь. Изображение процесса переживания выполнило сюжетобразующую функцию.

Фигура главного героя породила особый конфликт, который возник из разлада между сознанием этого героя и обстоятельствами его жизни. Рассказы Битова событийно бедны, поскольку посвящены описанию переживаний «негероических» героев, но автор тем не менее считает крайне важным сделать их «ничтожные» волнения объектом своей и читательской рефлексии, подчеркивая тем самым универсальность испытываемых ими чувств. Своим бездельникам и мечтателям писатель давал право переживать, быть искренними и достойными сочувствия.

Дальнейшая эволюция избранного Битовым персонажа прослеживается нами на материале произведений, опубликованных в 1961–1965 гг., когда вышли повести «Одна страна. Путешествие Бориса Мурашова», «Такое долгое детство»; рассказы «Далеко от дома», «На практике», «Пенелопа», «Юбилей»; сценарий «Нарисуем – будем жить». Характерно, что почти все они описывают вроде бы типичную для прозы 1960-х ситуацию: молодой человек набирается жизненного опыта вдали от дома. Для своего взрослеющего бездельника Битов использует жанровые формы, предполагающие большую масштабность: повесть и киносценарий. Смена ракурсов, специфические лаконичность и динамизм некоторых описаний говорят о логичных для начинающего писателя заимствованиях из кинематографа.

Герои Битова лишены несгибаемости и уверенности в собственной правоте, в отличие от персонажей из произведений А. Кузнецова, Г. Владимова, В. Аксенова. Герой «Продолжения легенды» с радостью утверждает в мысли, что быть чернорабочим на строительстве Иркутской ГЭС очень почетно. Шофер Пронякин из повести «Большая руда», хотя и замеченный автором в своекорыстии, все же обладает твердостью и цельностью характера, которые отвечают читательским ожиданиям. Димка из «Звездного билета», пережив тягостные сомнения, утверждает в необходимости так называемых вечных ценностей: любимой профессии, искренней любви, активной деятельности.

Характеры персонажей Битова, напротив, размыты и неопределенны. Мир не вызывает у них испуга и неприязни, но и ничего прекрасного и несомненного в нем они не находят. Самобичевание и самолюбование, рефлексия по, казалось бы, пустяковым поводам, постоянная переоценка ценностей, или, как было написано в газете «Известия», «чрезмерная приниженность и растерянность изображаемых героев»⁶ вызвали недоумение у редакторов и критиков.

Тогда, в начале шестидесятых, на фоне уверенных и решительных строителей будущего выбор именно таких характеров явился ответом Битова на позволение говорить о «своем». Битов признается в том, как трудно ему удавалось добиться разрешения напечатать очередную по-

⁶ Цит. по: Битов А. Г. Собрание сочинений. В 3 тт. М., 1991. Т. 1. С. 567.

весть или рассказ. Однако достаточно благожелательные вступительные статьи, которыми снабжены его сборники, годы изданий и переизданий его работ говорят об обратном. Его герои вызвали недоверие⁷, но казались неопасными и безобидными.

К середине 1960-х годов А. Битов выработал приемы напряженного психологического повествования. Его герой, alter ego автора, оказался способен проникать в собственную душу и придирчиво спрашивать с себя за мельчайшее злоумышление. В молодом интеллектуале поражал даже не ум, а особая эмоциональная сверхчуткость, выделявшая произведения Битова из прозы других ленинградцев. Сосредоточенность рефлексирования персонажа на себе самом стала решающим фактором сюжето- и жанростроения. Текст, по сути, замкнулся на нем одном. Выработавшиеся принципы жанрообразования: циклизированность, ассоциативность, сквозные мотивы, автоинтертекстуальность, дописывание – были порождены характером главного героя.

Специфические содержательные элементы битовской прозы: глубинные психологические разыскания, небогатая событиями фабула, намечающаяся «раздвоенность» художественного сознания, когда в повести одновременно действуют гиперрефлексивный главный герой и ироничный автор – постепенно расшатывали освоенные писателем жанровые формы и готовили их переход в новое качество

В третьей главе **«Рождение метажанра и новых жанровых форм в книгах А. Г. Битова 1970-х годов»** мы проанализировали произведения А. Битова, вышедшие в составе его сборников в 1970-е годы, с точки зрения проявившихся в них жанровых новаций. По нашему мнению, непосредственно в указанное десятилетие вполне оформилась особая битовская манера компоновки, дописывания и перестроения прежних текстов в составе новых книг.

Как уже не раз было отмечено исследователями⁸, характерной приметой творчества Андрея Битова является принципиальная незавершенность его книг. Он постоянно что-то дописывает, как будто созданный им текст эволюционирует с течением времени. Неоднократно Битов цитировал фразу из собственного рассказа «Автобус»: «Хорошо бы начать книгу, которую можно писать всю жизнь».

Известно, что роман А. Битова «Улетающий Монахов», отмеченный в 1992 г. государственной премией Российской Федерации, писался на протяжении 30 лет, с каждой публикацией меняя не только название, но и состав, обрастая новыми главами, то же происходило и с «Пушкинским домом» (часть романа в 1976 г. была опубликована под заголовком «Молодой Одоевцев, герой романа», часть в 1986 г. – «Статьи из романа»). По-

этому можно усомниться в искренности битовских lamentаций по поводу того, что «ни разу не увидел почти ни одну из своих 33 книжечек отдельной и свободной, а лишь в гробах сборников»⁹. Очевидно, состав битовских сборников не произволен, поэтому не только в текстах следует искать выражение авторской концепции, но и в самом порядке их расположения, в трансформациях, которым подвергаются выбранные им жанры (лирическая повесть, эссе, роман).

К началу 1970-х годов комбинирование текстов становится любимым приемом писателя. На первый взгляд даже может показаться, что А. Битов не столько пишет, сколько перекомпоновывает давно созданные произведения. Один за другим появляются его сборники: «Образ жизни» (1972), «Семь путешествий» (1976), «Дни человека» (1976). Большинство повестей и романов, в них вошедшие, были написаны в 1960-е годы, но в сочетании с новыми произведениями прежние приобретали иное звучание.

По нашему мнению, в основу формирования битовского сборника / книги был положен принцип циклизации – жанровое воплощение постулируемого самим автором стремления к написанию книги, которую можно продолжать в течение всей своей жизни с прерванного места. Нередко, используя автоцитаты или меняя местами главы / заметки в повести / лирическом дневнике, Битов придает завершенность фрагментам текста, делает их самодостаточными как в пределах отдельной повести, так и в контексте собственного творчества. Благодаря принципам циклизации, до- и переписыванию прежних произведений происходит конструирование метажанра.

Повести, вошедшие в сборник «Образ жизни» (1972), («Сад», «Жизнь в ветреную погоду», «Колесо», «Уроки Армении») писались в течение десяти «оттепельных» лет, под воздействием социального «наказа» молодому прозаику: писать искренне, писать о том, что знает лучше всего – о себе, быть оптимистичным и остроумным. Кажется, что разножанровые произведения собраны автором воедино механически, но есть элементы, которые указывают на интегративные процессы внутри сборника.

Во-первых, объединяющим элементом выступает образ главного героя, специфически ограниченного пределами собственных мучительных переживаний. Он может называться Алешей Монаховым, Сергеем, Андреем Битовым или условным я – ни характер его, ни отношение к миру не меняются. Забегая вперед, отметим, что автор-герой на протяжении всего битовского творчества по-своему статичен: он остается все тем же гиперрефлексивным советским интеллигентом, который постоянно подвергает predetermined его воспитанием нравственной оценке себя и окружающих, поэтому и жанры выбираются такие, где содержится установка на искренность (лирико-психологическая повесть, дневник, записки).

⁷ Битов в своей полуавтобиографической прозе приводит такую реплику главного редактора, подписывающего в печать очередной битовский сборник: «Не знаю, в чем дело ... у вас ведь ничего такого нет, чтобы нельзя было печатать... но каждое слово вызывает во мне протест» [Битов А. Г. Неизбежность ненаписанного. М., 1999. С. 500].

⁸ Л. Аннинский, М. Берг, А. Генис, Н. Иванова, И. Роднянская, Э. Чансес и др.

⁹ Битов А. Г. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1 / А. Г. Битов. – М. : Молодая гвардия, 1991. – С. 6.

Во-вторых, все повести объединяет лейтмотив: автор-герой ищет «подлинное существование». Он проверяет на подлинность различные образы современной жизни: городской, героический, инонациональный, творческий. Через эти литературно интерпретированные варианты современного бытия / быта проходит автопсихологический герой – мечтатель и созерцатель.

В-третьих, проблематика повестей сборника указывает на то, что описанные А. Битовым ситуации внеисторичны и общечеловечны. Рисуя Алешу (повесть «Сад»), Битов изображает мучительное чувство любви на фоне полнейшей безответственности главного героя. Описывая Сергея (повесть «Жизнь в ветреную погоду»), он размышляет о сути человеческих взаимоотношений, о природе вдохновения (некоторые западные критики увидели в этой повести отголоски философии дзен-буддизма¹⁰). Обратившись к теме мотогонки, автор рассуждает о сути героизма, находит, что круг – мера всех вещей, чья идеальная форма помогает ему разобраться в смысле жизни. Иными словами, сборник пронизывает единое философское сознание.

В-четвертых, А. Битов возводит принцип ассоциативности в жанрообразующий фактор, что помогает ему менять ракурсы повествования, заменять отголосками части текста, нарушать хронологию в тех жанрах, где это не принято делать, редактировать уже написанное и делать этот процесс предметом изображения, превращать некоторые главы в коллаж из чужих стихов и цитат. Указанный фактор влияет на модификацию жанров внутри сборника и способствует рождению метажанра.

В-пятых, стремление писателя к дописыванию своих вроде бы законченных текстов также работает на создание метажанра сборника. Именно поэтому три из четырех повестей «Образ жизни» впоследствии «приросли» продолжениями: рассказ «Дверь» превратился в повесть «Сад», затем в роман «Роль» и, наконец, в *роман-пунктир* «Улетающий Монахов»; «Жизнь в ветреную погоду» совместно с «Записками из-за угла» вошла в *дубль* «Дачная местность»; путешествие «Уроки Армении» стало *альбомом* «Выбор натуры» (выделенные обозначения жанров являются авторскими).

Второй сборник «*Семь путешествий*» (1976) включает в себя произведения, которые создавались А. Битовым на протяжении 14 лет, повести расположены в соответствии с очередностью возникновения: первая датируется 1959–1961 годами, последняя – 1971–1973. В нем, как видно из названия, собраны повести, объединенные одним сюжетом, который дал имя жанру.

Начиная с 1970-х годов, на несколько десятилетий жанр путешествия становится А. Битова ведущим. Он помогает придать динамику и национальный колорит повествованию, обуславливает внезапные отступления от сюжетной линии, поскольку все главное по-прежнему происходит во внутреннем мире автопсихологического персонажа. Думается, что изначально выбор повести-путешествия был данью литературной моде¹¹ (жанр давал возможность документировать, а не придумывать, позволял использовать несомненно выигрышный прием сравнения иной культуры с собственной), но Битов сумел модифицировать жанр, превратив свои путешествия в философские *романы-странствия* (термин И. Роднянской).

В этом сборнике Битов словно бы заново проходит начальный отрезок писательского пути, руководствуясь принципом «от простого к сложному», что пока соответствует естественной хронологии¹². Здесь же уместно будет привести авторскую метафору, выражающую концепцию его творчества: дерево (в предыдущем сборнике это была книга без начала и конца), обрастающее годовыми кольцами.

В начале сборника «Семь путешествий» автор подчиняется формальным требованиям жанра – психологически насыщенное действие с одним главным героем и четко выверенным сюжетом (повести, написанные по законам «молодежной прозы»: «Такое долгое детство», «Одна страна»).

Жанр «Путешествия к другу детства» (1963–1965) рождается из синтеза двух других: путешествия и биографии. Здесь наблюдается нарушение хронологии, раздвоение главного героя (точнее, их оказывается два: негероический автор-повествователь и героичный вулканолог). Приемы ассоциативности и пародийности используются столь же эффективно, как и в следующей повести «Колесо (Записки новичка)» (1969–1970), в которой Битов, пародируя газетные и литературные штампы, модифицирует жанр лирико-психологической повести, «скрещивая» ее с жанром репортажа. Документальное (рассказ о конкретном событии – мотогонках в Уфе) соседствует с художественным, динамичное описание заездов сменяется аналитическими рассуждениями об образе жизни современного человека, а публицистическая восторженность одним из героев репортажа – философскими размышлениями о смысле жизни.

Более традиционно выглядит на этом фоне повесть-путешествие «Уроки Армении» (1967–1969), которую автор использует в качестве противовеса следующей повести с говорящим названием «Азарт. Изнанка путешествия», где появляются аналитизм, свойственный эссе, смещенный хронотоп, зеркальность (Битов в образе автора-героя начинает сочинять рассказ и подменяет себя выдуманным персонажем). Усложненность

¹⁰ Hagen S. The Stories of Andrei Bitov. P. 137. Цит. по: Чансес Э. Андрей Битов: Экология вдохновения / Э. Чансес. – СПб. : Академический проект, 2006. – С. 81; Чансес Э. «Жизнь в ветреную погоду» А.Г. Битова: творческий процесс в жизни и в литературе / Э. Чансес // Русская литература XX века: Исследования американских ученых. – Вирджиния ; СПб. : Петро-РИФ, 1993.

¹¹ См.: Смуул Ю. «Ледовая книга», Конецкий В. «Соленый лед», Солоухин В. «Владимирские проселки».

¹² В дальнейшем (1990-е и 2000-е гг.) А. Битов откажется от намеренных усложнений формы и, упрощая не мысль, а ее выражение, впадет в «неслыханную простоту».

жанрового содержания повести-путешествия преобразует ее в философский *роман-странствие*.

На протяжении сборника «Семь путешествий» прослеживается нарастание аналитизма. Беллетризованное повествование самых ранних повестей-путешествий А. Битова сменяется попыткой синтеза аналитического и беллетристического начал, а затем переходит в полудокументальное повествование о грузинском путешествии «Выбор натуры». Мы определяем его жанр как *этиюд*: поскольку первоначально сюда вошли рассказы-зарисовки о стране и ее жителях, а в дальнейшем произведение увеличилось вдвое и получило метафорическое жанровое определение от самого автора *Грузинский альбом*, будучи, по замыслу Битова, уже законченным текстом.

Таким образом, мы можем заключить, что произведения сборника были объединены не только предполагаемы обозначением жанра (путешествие), но также ироничным характером главного героя, диалогическими отношениями между повестями (со- и противопоставлением) и теми тенденциями, которые стали очевидными: аналитизм, пародийность, синтез беллетристики и эссеистики, прием ассоциации, автоинтертекстуальность (проявилась в наличии автоцитат).

Последний сборник «Дни человека» (1976) с особенной четкостью представляет две линии, по которым развивалась проза А. Битова. Первая представлена его повестями и романами, в данном случае романом-пунктиром «Роль» и романном циклом «Молодой Одоевцев, герой романа». Вторая – произведениями, которые находятся на стыке беллетристики и эссеистики, в данном случае это эссе «Птицы, или Новые сведения о человеке».

Форма эссе давала автору возможность избежать художественных условностей: главные и второстепенные персонажи, занимательный сюжет, завязка и развязка действия. Точнее, персонажи эти все равно были (автор-герой, орнитолог доктор Д., ворона Клара), равно как и завязка (попытка завоевать доверие птицы), кульминация (апокалипсическое видение), развязка (смерть вороны), эпилог (дзен-буддийские притчи). Но упомянутые структурные элементы беллетризованного эссе служили лишь рамкой для главного – рассуждений и сократических диалогов автора-героя со своим alter ego на тему экологии культуры.

Жанр двух других произведений, вошедших в сборник «Дни человека», – «Роль» и «Молодой Одоевцев, герой романа» – мы определяем вслед за автором как *роман-цикл*, *роман-пунктир*, *статьи / главы из романа*.

Указанные жанровые определения продиктованы манерой подачи материала. Текстовые обрывы, которыми полон роман про молодого Одоевцева, едва ли не многозначительнее слов. На формальном уровне они служат образованию *романа-пунктира*. Авторская ирония, органично сочетающаяся с рефлексией, помогает избежать всякой однозначности при оценивании героев. Романная форма разрушается внутренне: обманываются читательские ожидания, поскольку автор усложняет текст многочисленными отсут-

плениями, создается почва для «дописываний». То исчезающие, то появляющиеся персонажи, иногда напрямую не связанные с действием, помогают выстроить гибкую жанровую форму, в которой содержатся отсылки к известным читателю произведениям и литературным типам.

Таким образом, можно уверенно заключить, что А. Битов подверг модификациям жанр лирико-психологической повести и – «разлому» жанр романа, причем сделал последнее двумя способами, чему соответствуют «Роль» (будущий «Улетающий Монахов») и «Молодой Одоевцев, герой романа» (он же «Пушкинский дом»). Если для первого романа форма пунктира была естественна, то второй был под эту форму замаскирован. Первый роман действительно писался поэтапно, с опорой на внутренние значимые события в жизни Алексея Монахова, повести, в него вошедшие, легко подпадают под понятие *цикл*. Второй роман сначала был написан (точнее, он тоже подвергался до- и переписываниям), а потом уже, в качестве эксперимента, был разъят на части для представления в советской печати. В первом случае автор рассказывает историю по частям, последовательно обращаясь к самым значительным событиям из жизни современного героя. Во втором случае (в «Пушкинском доме») Битов рассказывает историю все того же современного героя, но делает это изощреннее, показывая, что в общем-то описывает «несуществование» Одоевцева.

Безусловно, выход «Пушкинского дома» был возможен только в виде фрагментов, и сейчас возникает искушение сказать, что жестокая советская цензура вынудила автора стать конформистом и изрезать свой роман на «проходные куски». Однако публикация предыдущего романа-пунктира в виде отдельных самостоятельных повестей и рано проявившаяся манера редактировать свои рассказы, приписывать *дубли* к повестям – все это говорит лишь о том, что автора могла устраивать фрагментарность публикации, иными словами, форма *романа-пунктира* и *романного цикла* (вариант: *главы из романа*) возникла в соответствии с внутренними потребностями творчества, внешние обстоятельства оказались не столь значимы.

Стремясь показать неслучайность художественных экспериментов А. Битова, в заключение мы провели сопоставление трех романов современников автора. Из сравнения романа Ю. В. Трифонова «Время и место» с «Пушкинским домом» А. Г. Битова видно, что тема рефлексии писателя была близка не одному Битову, а связанные с ней «пунктирность» и эффект зеркальной отраженности (когда писатель пишет о том, что ему не пишется, и при этом сам же является героем романа и, следовательно, alter ego настоящего автора) опробовался также не им одним.

Сопоставление романа-музея «Пушкинский дом» с романом-фантазмагорией «Ожог» указывает на сходное с битовским стремление к сложной субъектной организации. В романе В. П. Аксенова главный герой подвергается даже не раздвоению – он оказывается един в шести лицах. Повествователю в «Ожоге» так же свойственны самоирония и открытый протест против подцензурной жизни, как и Битову.

Роман В. С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» выбивается из сопоставительного ряда в основном за счет хронологической разницы и иной, чем в «Пушкинском доме», проблематики. Здесь нам было важно показать литературную преемственность. Романы Битова и Маканина роднит все та же фигура близкого автору персонажа – профессионального филолога, эволюционировавшего в непишущего писателя без имени. Герой маканинского романа дооформляет битовское (отчасти оно проявилось и в «Ожоге») несогласие с литературоцентричностью сознания русского интеллигента.

В **заключении** подводятся итоги исследования. Согласно нашей концепции, в 1970-е годы в творчестве А. Битова сформировалась особая жанровая система.

Она возникла благодаря гиперрефлексивному характеру главного героя битовских произведений, он же авторское alter ego, чья фигура стала сюжето- и жанрообразующим элементом повествования. Его склонность к наблюдению за собственным внутренним миром сосредоточила текст вокруг нужд его одного. Его заикленность на определенном круге проблем превращается в циклизированность произведений, его незаурядный интеллект, неутомимый в производстве парадоксов, делает из повествования цепь ассоциаций, а сквозные мотивы и проблематика за счет глубокой разработки остаются неизменными на протяжении нескольких произведений, порождая автоцитацию и дописывание.

Будучи склонным к аналитике и рассуждению, А. Битов сталкивает в своей художественной прозе беллетристическую и эссеистическую линии. Тем самым он добивается структурных деформаций жанров лирико-психологического рассказа и повести; романа, путешествия, эссе.

Так, лирико-психологические *рассказы* перерастают в *повести*, повести объединяются в романские формы (*роман-пунктир*, *роман-цикл*, *роман-музей*), *эссе* в зависимости от объема произведения и наличия внутренних связей (тема, проблематика, образная система) превращаются в *этюды* или *альбомы*, а на стыке беллетристики и эссеистики возникает *роман-странствие*. К особым жанровым формам битовской прозы также можно отнести *сборник*, в основу которого положены принципы перекомпоновки и циклизации самых важных, по мнению автора, текстов. Сборник является метажанром в творческой системе Битова.

Приведенные выше жанровые обозначения, которые автор дает своим произведениям, указывают на специфические конструктивные особенности, свойственные «зрелой» (период 1970-х годов) битовской прозе. Ее отличают присутствие «двоящегося сознания» (как правило, это автор-герой или персонаж, alter ego), нарочито алогичная связность между частями целого, причем целым может оказаться как одно произведение, так и сборник; незавершенность произведений вследствие ориентации автора на дописывание, игровое начало, циклизация, высокая степень рефлексии

(сначала идущая от персонажей, а потом ставшая приметой самих текстов), сочетание аналитики и лиризма.

Базой для жанровой модели произведений А. Битова стала лирико-психологическая повесть, деформировавшаяся под воздействием ряда жанрообразующих факторов: *неизменный, типично битовский, главный герой* – рефлексирующий созерцатель; *внутренне напряженный психологический конфликт*, спровоцированный сосредоточенностью персонажа на себе самом, в ущерб «внешнему» действию; основанием такого конфликта является разлад между сознанием этого героя и обстоятельствами его жизни; *дискретность* – прерывистость повествования, укрупняющая мелкие детали, позволяющая сфокусировать внимание на тончайших психологических нюансах; *ассоциативность* как композиционная основа текста, имманентная личности автора-героя, который органично связывает все явления «внешнего» мира с прихотливой игрой собственного сознания; *автоинтертекстуальность* – цитирование Битовым самого себя для создания эффекта преемственности и связности всего им написанного.

Итак, созданная писателем уникальная система жанров и описанный нами жанровый инвариант позволяют говорить о концептуально значимом для А. Битова процессе жанростроительства.

Безусловно, эпоха и литературная среда оказали влияние на проблемно-тематический выбор писателя, предложили популярные жанры для творческих экспериментов, но конечный продукт – художественное произведение «гибкой» структуры было подлинно битовским. Свободной перекомпоновкой частей, постоянным дописыванием, казалось бы, законченных текстов А. Битов утверждал независимость собственного творчества от эпохи, среды, литературной моды.

Все новые произведения А. Битова, написанные в придуманной им в 1970-е годы жанровой манере, убеждают в том, что найденные им конструктивные принципы организации повествования продолжают оставаться эффективными.

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах:

I. Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1) *Гурьянова М. А.* Феномен «дописывания» в прозе Андрея Битова / М. А. Гурьянова // Известия уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2007. – № 53. – С. 60–68, 0,7 п.л.

2) *Гурьянова М. А.* «Пушкинский дом» А. Г. Битова и «Андеграунд, или Герой нашего времени» В. С. Маканина: к проблеме преемственности в литературе / М. А. Гурьянова // Филология и человек. – 2008. – № 4. – С. 101–109, 0,8 п.л.

II. Другие публикации:

3) *Гурьянова М. А.* Эволюция жанровой формы на примере творчества А. Битова / М. А. Гурьянова // Дергачевские чтения-2004: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Материалы междунар. науч. конференции. / Сост. А. В. Подчиненов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 205–209.

4) *Гурьянова М. А.* Проблемы жанровой семантики в раннем творчестве А. Битова / М. А. Гурьянова // Литература в контексте современности: материалы II Междунар. науч. конференции. Челябинск, 25–26 февраля 2005 г.: в 2 ч. – Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2005. Ч. II. – С. 34–38.

5) *Гурьянова М. А.* Творческая индивидуальность А. Г. Битова в факультативном курсе современной русской прозы / М. А. Гурьянова // Изучение творческой индивидуальности писателя в системе филологического образования. Материалы XI Всерос. науч.-практ. конференции 24–25 марта 2005. / Сост. Н. Л. Лейдерман, В. Ю. Столбова. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2005. – С. 61–65.

6) *Гурьянова М. А.* «Детские» рассказы детского писателя А. Г. Битова / М. А. Гурьянова // Мировая словесность для детей и о детях. Материалы XI Всероссийской науч.-практ. конференции 30–31 января 2006 г. – М. : Московский пед. гос. ун-т, 2006. Вып. 11. – С. 167–171.

7) *Гурьянова М. А.* Особенности становления доминирующей жанровой формы в творчестве А. Г. Битова / М. А. Гурьянова // Общетеоретические и практические проблемы языкознания и лингводидактики: Тезисы Международ. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 27–28 апреля 2006 г. – Екатеринбург : ГОУ ВПО Рос. Гос. проф.-пед. ун-т, 2006. – С. 12–14.

Подписано в печать 03.03.2009. Формат 60х84 1/16.

Усл. печ. л. 1,25. Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано в ИПЦ «Издательство Уральского университета»
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4